

**ПРИНЦИП ВЗАИМНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРАВООЗАЩИТНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ
МОДЕЛЬ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА**

Обидов Толибжон Авазхонович
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Академии правосудия Республики Узбекистан

Аннотация

Статья посвящена переосмыслению принципа взаимности как внедоговорного основания международной правовой помощи по уголовным делам. Цель исследования состоит в разработке нормативно определенной, субсидиарной и правозащитно ориентированной модели взаимности для уголовного процесса Республики Узбекистан. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, анализ международных стандартов, материалов правоприменительной практики, ведомственных данных за 2025 год и результатов опроса 768 работников правоохранительных и судебных органов. Сопоставлены модели Узбекистана, Беларуси, Германии, Швейцарии и Китая, а также наднациональный механизм взаимного признания Европейского союза. Установлено, что действующее регулирование признает взаимность, но не определяет ее юридическую природу, содержание письменной гарантии, критерии функциональной эквивалентности, пределы усмотрения центральных органов и горизонтальные основания отказа, связанные с правами человека. Обосновано, что взаимность не создает самостоятельного полномочия на процессуальное принуждение и не устраняет необходимость национальной судебной санкции. Научная новизна выражается в предложении трехступенчатого теста законности взаимности, разграничении фактической, гарантированной и презюмируемой взаимности, а также в концепции «дифференцированной взаимности»: для непринудительных форм помощи допускается опровержимая презумпция сотрудничества, тогда как для экстрадиции, обыска, ареста активов и доступа к защищенной информации требуется конкретная письменная гарантия и усиленный судебный контроль. Сформулирована редакция новой статьи 591¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан и пакет институциональных мер, применимых в том числе к трансграничному получению электронных доказательств.

Ключевые слова: Уголовный процесс; международное сотрудничество; международная правовая помощь; принцип взаимности; центральный орган; электронные доказательства; экстрадиция; права человека; судебный контроль; Узбекистан.

Introduction

RECIPROCITY IN MUTUAL LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL MATTERS: A RIGHTS-BASED PROCEDURAL MODEL FOR UZBEKISTAN

Abstract

The article reconceptualizes reciprocity as a non-treaty basis for mutual legal assistance in criminal matters and develops a legally certain, subsidiary and rights-based model for the criminal procedure of Uzbekistan. The study combines doctrinal, systemic and comparative legal analysis with an examination of international standards, selected case materials, 2025 institutional data and a survey of 768 law-enforcement and judicial practitioners. The legal models of Uzbekistan, Belarus, Germany, Switzerland and China are compared with the European Union's mutual-recognition framework. The research finds that Uzbek law recognizes reciprocity but does not define its legal nature, the minimum content of a written assurance, functional equivalence, the limits of central-authority discretion, or horizontal human-rights refusal grounds. Reciprocity is therefore conceptualized as an enabling and subsidiary procedural principle: it does not itself authorize coercive measures and cannot replace the judicial authorization required under domestic law. The article's original contribution is a three-stage legality test, a distinction between factual, guaranteed and presumed reciprocity, and a model of differentiated reciprocity. Non-coercive assistance may operate under a rebuttable presumption of cooperation, whereas extradition, search, asset restraint and access to protected data require a specific written assurance and enhanced judicial scrutiny. A draft Article 591¹ of the Criminal Procedure Code of Uzbekistan is proposed, together with institutional measures tailored to cross-border electronic evidence.

Keywords: Criminal procedure; international cooperation; mutual legal assistance; reciprocity; central authority; electronic evidence; extradition; human rights; judicial review; Uzbekistan.

Транснационализация преступности изменила пространственную логику доказывания. Электронная переписка может храниться на сервере в одной юрисдикции, банковский счет — обслуживаться во второй, бенефициар актива — находиться в третьей, а потерпевший и орган расследования — в четвертой. В результате эффективность уголовного преследования все чаще зависит не от объема полномочий национального следователя как такового, а от способности государства своевременно получить законно собранные и процессуально пригодные доказательства за рубежом. Международная правовая помощь перестала быть исключительным дипломатическим эпизодом и превратилась в регулярный элемент производства по уголовным делам. Базовой юридической формой такой помощи остаются многосторонние и двусторонние договоры. Однако договорная сеть объективно не охватывает все государства, категории преступлений и виды процессуальных действий. Пробел особенно заметен в делах о киберпреступлениях, легализации преступных доходов, коррупции, торговле людьми и дистанционном мошенничестве, где промедление

может привести к удалению данных, перемещению активов или сокрытию лица. В этих условиях принцип взаимности выполняет функцию правового «моста», позволяя направлять и исполнять запросы при отсутствии применимого договора.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (далее — УПК) предусматривает возможность направления поручения о производстве процессуальных действий на основании международного договора либо принципа взаимности, исполнения иностранных запросов на тех же основаниях и решения вопросов экстрадиции с учетом взаимности [1]. Пленум Верховного суда связывает взаимность с письменным обязательством компетентного органа Республики Узбекистан в будущем оказать аналогичную помощь государству, с которым отсутствует договор [2]. Эти положения создают необходимую правовую основу, но не отвечают на ряд принципиальных вопросов: является ли взаимность обязанностью или дискреционным полномочием; какие реквизиты должна содержать гарантия; требуется ли фактическая симметрия мер; какие правозащитные ограничения действуют за пределами экстрадиции; как соотносятся взаимность, двойная наказуемость, специальность использования информации и национальная судебная санкция.

Проблема имеет не только доктринальное, но и прикладное значение. По ведомственным материалам за 2025 год в Узбекистан для продолжения уголовного преследования поступило 77 уголовных дел, а компетентными органами изучено и направлено к исполнению 581 ходатайство иностранных государств о производстве следственных действий [29]. В опросе 768 работников правоохранительных и судебных органов 22 процента респондентов указали взаимность как фактически используемое основание правовой помощи [30]. Следовательно, нормативная неопределенность затрагивает не единичные казусы, а устойчивую практику.

Актуальность исследования усиливается развитием международной архитектуры получения электронных доказательств. Конвенция ООН против киберпреступности, принятая Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2024 года и подписанная Республикой Узбекистан 25 октября 2025 года, предусматривает механизмы сохранения, получения и передачи электронных доказательств, а также сеть контактных пунктов, доступных круглосуточно [8]. До вступления соответствующих договорных механизмов в силу и при взаимодействии с государствами, не связанными общим договором, взаимность сохраняет значение оперативного резервного основания.

Цель статьи — сформировать концептуально непротиворечивую и практически применимую модель принципа взаимности в международной правовой помощи по уголовным делам и предложить ее нормативное закрепление в УПК Республики Узбекистан. Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрывается юридическая природа взаимности; определяется ее место среди принципов уголовного процесса и международного сотрудничества; исследуются национальная и зарубежные модели; анализируются эмпирические данные; формулируются правозащитные пределы; разрабатываются законодательная конструкция и алгоритм принятия решений.

Исследование построено на сочетании нормативного, сравнительного и эмпирического уровней. Нормативный массив включает УПК Республики Узбекистан, постановление Пленума Верховного суда, Закон «О международных договорах Республики Узбекистан», Минскую конвенцию 1993 года, Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенцию ООН против коррупции, Конвенцию ООН против киберпреступности, Конвенцию ООН против пыток, а также законодательство Беларуси, Германии, Швейцарии, Китая и акты Европейского союза [1–14].

Формально-юридический метод использован для определения содержания действующих норм, их гипотез, субъектного состава и правовых последствий. Системный метод позволил рассмотреть взаимность не изолированно, а во взаимосвязи с законностью, суверенным равенством, правами человека, судебным контролем, двойной наказуемостью, специальностью и конфиденциальностью. Сравнительно-правовой метод применен не для механического заимствования отдельных формулировок, а для выявления функционально эквивалентных решений в различных правовых системах.

Эмпирическую основу составили: 1) ведомственная информация о международном сотрудничестве в уголовно-правовой сфере за 2025 год; 2) результаты анкетирования 768 работников правоохранительных и судебных органов; 3) обезличенные материалы отдельных запросов о правовой помощи, направленных и исполненных в 2024–2025 годах [29–31]. Вопросы анкеты касались используемых правовых оснований, понимания взаимности, необходимости письменной гарантии и целесообразности отдельного нормативного закрепления.

Ограничения исследования связаны с тем, что ведомственные материалы не образуют открытой статистической базы, а опрос отражает профессиональное восприятие респондентов, но не позволяет сам по себе установить причинную связь между качеством регулирования и сроками исполнения каждого запроса. Поэтому количественные данные используются для выявления масштаба и типичных проблем, а выводы о содержании правовой модели основываются прежде всего на нормативном и сравнительном анализе.

В общей юридической литературе взаимность обычно связывается с суверенным равенством, эквивалентностью предоставляемых прав и ожиданием встречного поведения [26]. Такая трактовка недостаточна для уголовного судопроизводства. В этой сфере иностранный запрос способен повлечь допрос, обыск, выемку, контроль сообщений, арест имущества, передачу банковских сведений либо лишение свободы в целях экстрадиции. Следовательно, политико-дипломатическое обещание должно быть переведено в процессуальную форму, подчиненную принципу законности и судебным гарантиям.

В доктрине международной правовой помощи справедливо подчеркивается необходимость уважения территориальной юрисдикции, исполнения запроса по праву запрашиваемого государства и недопустимости вмешательства иностранного органа в национальную компетенцию [17–20]. Эти положения позволяют сделать первый

фундаментальный вывод: взаимность является не самостоятельным источником принудительной власти, а основанием для вступления компетентных органов двух государств в процессуальное взаимодействие. Она открывает канал сотрудничества, но конкретное действие может быть произведено только при наличии полномочия, предусмотренного правом государства исполнения.

Из этого вытекает различие между «основанием международного взаимодействия» и «основанием ограничения права». Письменная гарантия взаимности отвечает на вопрос, почему государство готово рассмотреть внедоговорный запрос. Национальная норма об обыске, аресте имущества или доступе к охраняемой законом тайне отвечает на другой вопрос — при каких условиях допустимо вмешательство в право конкретного лица. Смещение этих уровней создает риск использования международного сотрудничества для обхода внутренних гарантий.

Второй вывод состоит в субсидиарном характере взаимности. Она применяется, когда отсутствует действующий договор либо применимый договор не регулирует необходимую форму помощи. До обращения к взаимности центральный орган обязан проверить не только двусторонние соглашения, но и специальные многосторонние конвенции. Так, статьи 18 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и 46 Конвенции ООН против коррупции сами по себе создают развернутые договорные режимы помощи по соответствующим категориям дел [6; 7]. Использование взаимности при наличии применимого договора не всегда незаконно, но не должно приводить к обходу более детальных договорных гарантий.

Третий вывод — взаимность не равнозначна механической симметрии. Различные правовые системы распределяют полномочия между следователем, прокурором и судом неодинаково. Функционально эквивалентная помощь означает достижение сопоставимого законного результата при сохранении гарантий запрашиваемого государства, а не буквальное воспроизведение иностранной процедуры. Если в одном государстве доступ к банковской информации санкционирует прокурор, а в Узбекистане для соответствующего вмешательства требуется судебное решение, взаимность не отменяет национальный судебный контроль.

Четвертый вывод связан с добросовестностью. Взаимность не должна превращаться в автоматическую реторию: отказ одного государства по объективной причине не оправдывает безусловный отказ по последующему запросу, не связанному с прежним делом. Предыдущая практика сотрудничества может учитываться как фактор надежности гарантии, но каждое решение должно основываться на обстоятельствах конкретного запроса, характере меры и рисках для прав человека.

С учетом изложенного принцип взаимности в международной правовой помощи по уголовным делам предлагается определить как специальный, субсидиарный и правозащитно ограниченный уголовно-процессуальный принцип, в силу которого при отсутствии применимого международного договора компетентные центральные органы на основании письменной гарантии либо предусмотренной законом презумпции сотрудничества вправе запрашивать и оказывать функционально эквивалентную помощь в пределах национальной компетенции, при соблюдении

суверенного равенства, законности, специальности, конфиденциальности, пропорциональности и прав человека.

Для нормативной определенности целесообразно различать три формы взаимности. Первая — фактическая взаимность (*de facto*), подтверждаемая устойчивой практикой исполнения сопоставимых запросов между центральными органами. Она имеет доказательственное значение при оценке надежности сотрудничества, но сама по себе не всегда достаточна для применения принудительных мер.

Вторая — гарантированная взаимность (*de jure*), основанная на конкретном письменном обязательстве компетентного центрального органа. Гарантия должна идентифицировать орган, государство, категорию помощи или конкретное дело, закреплять готовность оказать сопоставимую помощь, а также предусматривать специальность использования материалов, конфиденциальность, условия передачи третьему государству и порядок консультаций. Для экстрадиции, обыска, ареста и конфискационного обеспечения активов, доступа к содержанию коммуникаций, банковской, врачебной и иной охраняемой информации гарантированная форма должна быть обязательной.

Третья — презюмируемая взаимность. Ее смысл состоит в том, что закон допускает рассмотрение не связанного с принуждением запроса без отдельного дипломатического обещания, пока отсутствуют сведения о систематическом отказе запрашивающего государства сотрудничать на сопоставимых условиях. Такая модель применима к вручению документов, получению открытых реестровых сведений, добровольному допросу по видеосвязи, уведомлению о результатах производства и иным действиям, не создающим существенного вмешательства в права.

Предлагаемая дифференциация снимает противоречие между оперативностью и юридической защищенностью. Требование индивидуальной письменной гарантии для каждого технического запроса способно создавать неоправданную бюрократическую задержку. Одновременно распространение «молчаливой» взаимности на принудительные меры снижает правовую определенность. Поэтому интенсивность формализации должна возрастать пропорционально интенсивности вмешательства в права.

Дифференцированная взаимность опирается на принцип пропорциональности и может быть выражена правилом: чем существеннее предполагаемое ограничение конституционного права и чем необратимее последствие международной передачи, тем более конкретными должны быть гарантия, контроль центрального органа и судебная проверка. Экстрадиция, передача оригиналов доказательств, раскрытие содержания сообщений, и окончательная передача активов находятся на верхнем уровне; вручение документов и получение общедоступных данных — на нижнем.

Действующий УПК закрепляет взаимность на нескольких уровнях. Статья 592 допускает направление запроса о производстве процессуальных действий на территории иностранного государства на основании международного договора или взаимности. Статья 595 регулирует исполнение иностранного запроса в Узбекистане, исходя из тех же юридических оснований, и предусматривает применение

национального процессуального закона. В экстрадиционной сфере статья 601 относит рассмотрение запроса к компетенции Генеральной прокуратуры, а статья 603 устанавливает основания отказа [1].

Положительным качеством модели является ее открытость: отсутствие договора не закрывает доступ к сотрудничеству. Пленум Верховного суда дополнительно определил круг компетентных органов и форму письменного обязательства [2]. Тем не менее существующее регулирование фрагментарно. Термин «принцип взаимности» используется, но не имеет легального определения; содержание гарантии не унифицировано; не установлено соотношение центрального органа и непосредственного исполнителя; отсутствует общая норма о частичном, условном или отсроченном исполнении; правозащитные основания отказа сформулированы неодинаково для экстрадиции и иных форм помощи.

Сравнительный анализ показывает, что взаимность используется в различных правовых системах, но выполняет неодинаковую функцию. Закон Беларуси о международной правовой помощи по уголовным делам прямо связывает взаимность с письменным обязательством оказать аналогичную помощь [10]. Сильная сторона такой модели — легальная определенность понятия; слабая — риск свести сложный принцип к одному формальному документу, если закон не раскрывает правозащитные пределы. Германский Закон о международной взаимной помощи по уголовным делам допускает предоставление помощи при обеспечении взаимности и одновременно устанавливает общий предел: помощь не оказывается, если она противоречила бы основным принципам германского правопорядка [11]. Германская модель демонстрирует, что гарантия взаимности и *ordre public* являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими фильтрами.

В Швейцарии при отсутствии договора помощь, как правило, связывается с гарантией взаимности, а применение принудительных мер — с требованием двойной наказуемости [12]. Это решение заслуживает внимания для Узбекистана: непринудительное сотрудничество может быть более гибким, тогда как принудительная мера требует усиленного материально-правового и судебного фильтра. Китайское законодательство предусматривает международную уголовно-судебную помощь на основании договора либо взаимности и требует от государства, не связанного договором, представить взаимное обязательство [13]. Модель подчеркивает централизованный характер взаимодействия и полезна в части разграничения внешнего канала и внутреннего исполнителя.

Право Европейского союза строится на принципе взаимного признания судебных решений. Европейский ордер на производство следственных действий подлежит признанию и исполнению в другом государстве-члене на основе интеграционного доверия и гармонизированных гарантий [14]. Этот механизм нельзя отождествлять со взаимностью. Взаимное признание предполагает более высокий уровень институциональной интеграции, тогда как взаимность действует между суверенными правопорядками без презумпции полной эквивалентности. Для Узбекистана опыт ЕС

полезен не как модель автоматического исполнения, а как ориентир для установления сроков, стандартных форм и эффективных средств обжалования.

Сопоставление подтверждает: оптимальная модель соединяет письменную гарантию, национальную процессуальную форму, правозащитный *ordre public*, двойную наказуемость для принудительных мер, специальность

Электронные доказательства обостряют традиционные недостатки международной правовой помощи. Данные могут быть удалены автоматически, перезаписаны либо перемещены между центрами обработки без участия пользователя. Поэтому обычная последовательность «подготовка — перевод — дипломатическая передача — проверка — исполнение» нередко несовместима со сроком сохранности цифрового следа.

Конвенция ООН против киберпреступности формирует современный многосторонний контур сотрудничества: предусматривает меры по сохранению и получению электронных данных, взаимную правовую помощь и круглосуточную сеть контактных пунктов [8]. Для Узбекистана подписание Конвенции является важным шагом, но до завершения внутригосударственных процедур и в отношениях с государствами вне соответствующего договорного режима взаимность продолжает выполнять резервную функцию.

Необходим единый защищенный электронный реестр международной правовой помощи. В нем должны фиксироваться государство, центральный орган, вид преступления, правовое основание, дата получения и направления, запрошенная мера, наличие судебной санкции, срок исполнения, результат и причины задержки или отказа. Доступ к персональным и оперативным данным должен быть ролевым, а аналитический модуль — формировать обезличенную статистику.

Для электронных доказательств целесообразно создать национальный контактный пункт 24/7, технически и организационно связанный с центральными органами. Его функции должны включать срочное сохранение данных, проверку контактных реквизитов иностранной стороны, безопасную передачу служебной информации и контроль последующего поступления формального запроса. Контактный пункт не должен самостоятельно санкционировать вмешательство, отнесенное к компетенции суда.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Взаимность представляет собой полноценное, но субсидиарное внедоговорное основание международной правовой помощи. Она применяется после проверки отсутствия применимого договорного режима и не должна использоваться для обхода договорных гарантий.
2. Взаимность является специальным уголовно-процессуальным принципом, а не общей обязанностью государства исполнить любой иностранный запрос. Ее действие ограничено суверенным равенством, национальной компетенцией, законностью, добросовестностью, специальностью, конфиденциальностью, пропорциональностью и правами человека.
3. Письменная гарантия открывает возможность сотрудничества, но не создает самостоятельного полномочия на обыск, арест, раскрытие тайны или экстрадицию.

Каждая принудительная мера должна иметь внутреннее правовое основание и требуемую национальным законом судебную санкцию.

4. Действующий УПК Узбекистана признает взаимность, но не определяет ее понятие, реквизиты гарантии, правозащитные пределы и механизм частичного исполнения. Системно обоснованным является дополнение принципа взаимности в УПК Республики Узбекистан.

7. Для электронных доказательств необходимы дифференцированные уровни доступа, контактный пункт 24/7, правила срочного сохранения, безопасной передачи, аутентификации и цепочки сохранности. Подписание Узбекистаном Конвенции ООН против киберпреступности создает перспективный договорный контур, но не устраняет текущую потребность в четком режиме взаимности.

Таким образом, принцип взаимности должен эволюционировать от неопределенной формулы «помощь в обмен на помощь» к проверяемому процессуальному механизму. Только правозащитно ориентированная и институционально прозрачная модель способна обеспечить баланс между эффективностью борьбы с транснациональной преступностью, национальным суверенитетом и достоинством личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (в действующей редакции на 17.07.2026). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 17.07.2026).
2. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 25 мая 2012 г. № 6 «О некоторых вопросах международного сотрудничества в сфере гражданского и уголовного судопроизводства» (с последующими изменениями). URL: <https://lex.uz/docs/2028706> (дата обращения: 17.07.2026).
3. Закон Республики Узбекистан от 6 февраля 2019 г. № ЗРУ-518 «О международных договорах Республики Узбекистан». URL: <https://lex.uz/docs/4193761> (дата обращения: 17.07.2026).
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 июня 2021 г. № УП-6252 «Об утверждении Стратегии развития национальной системы Республики Узбекистан по противодействию легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения». URL: <https://lex.uz/docs/5482727> (дата обращения: 17.07.2026).
5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Минск, 22 января 1993 г.
6. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, 15 November 2000. Art. 18.
7. United Nations Convention against Corruption. New York, 31 October 2003. Art. 46.
8. United Nations Convention against Cybercrime; Strengthening International Cooperation for Combating Certain Crimes Committed by Means of Information and Communications Technology Systems and for the Sharing of Evidence in Electronic Form of Serious Crimes. Adopted 24 December 2024. Treaty status as of 17 July 2026.

9. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. New York, 10 December 1984. Art. 3.
10. Закон Республики Беларусь от 18 мая 2004 г. № 284-З «О международной правовой помощи по уголовным делам».
11. Act on International Mutual Assistance in Criminal Matters (Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen, IRG), Germany. English translation as amended up to 12 July 2024. Sections 5, 73, 76.
12. Federal Act on International Mutual Assistance in Criminal Matters (IMAC), Switzerland, 20 March 1981; Swiss Federal Office of Justice. International mutual assistance in criminal matters: principles and procedure.
13. Law of the People's Republic of China on International Criminal Judicial Assistance, adopted 26 October 2018; Criminal Procedure Law of the People's Republic of China, Art. 17.
14. Directive 2014/41/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 regarding the European Investigation Order in criminal matters // Official Journal of the European Union. 2014. L 130. P. 1–36.
15. UNODC. Manual on Mutual Legal Assistance and Extradition. New York: United Nations, 2012.
16. UNODC. Formal International Cooperation Mechanisms // E4J University Module Series: Cybercrime. Module 7.
17. Глумин М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 274 с.
18. Мельникова Э. Б. Уголовный процесс и вопросы международного сотрудничества // Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. Москва, 1997. С. 263–265.
19. Волженкина В. М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1999. 112 с.
20. Мазаева Н. Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.
21. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. Москва: Спарк, 2002. 704 с.
22. Умарханова Д. Ш. Вопросы осуществления международного сотрудничества по уголовным делам (на основе анализа законодательства Федеративной Республики Германия и Республики Узбекистан) // Ўзбекистон қонунчилиги таҳлили. 2019. № 3. С. 91–96.
23. Сайфулов Р. А. Экстрадиция в уголовном процессе (по материалам МВД и прокуратуры Республики Узбекистан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2001. 24 с.
24. Толибова З. Т. Теоретико-правовые аспекты возвращения преступных активов // Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences. 2024. Vol. 4, Issue 11. P. 11–18.

25. Эгамбердиев Д. А. Анализ принципов, регулирующих деятельность совместных следственных групп при правовой помощи по уголовным делам // Ҳуқуқий тадқиқотлар журнали. 2022. № 11. С. 99–105.
26. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2004. 704 с.
27. European Court of Human Rights. Soering v. the United Kingdom, Application no. 14038/88, Judgment of 7 July 1989.
28. European Court of Human Rights. Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom, Application no. 8139/09, Judgment of 17 January 2012.
29. Справка Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан о международном правовом сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства по итогам 2025 года (архив автора).
30. Результаты анкетирования 768 работников правоохранительных и судебных органов по вопросам правовых оснований международной правовой помощи (материалы автора, 2025–2026 гг.).
31. Обезличенные материалы запросов Следственного комитета Российской Федерации № 274071/2024-42 и № 300011/2025-21, а также материалы компетентных органов Республики Узбекистан (архив автора).

REFERENCES (ROMANIZED / ENGLISH-LANGUAGE LIST)

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. National Database of Legislation, current version as of 17 July 2026. (In Russian).
2. Supreme Court of the Republic of Uzbekistan. Plenum Resolution No. 6 of 25 May 2012 on selected issues of international cooperation in civil and criminal proceedings. (In Russian).
3. Republic of Uzbekistan. Law No. ZRU-518 of 6 February 2019 on International Treaties. (In Russian).
4. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters. Minsk, 22 January 1993.
5. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, 2000.
6. United Nations Convention against Corruption. New York, 2003.
7. United Nations Convention against Cybercrime. Adopted 24 December 2024.
8. UNODC. Manual on Mutual Legal Assistance and Extradition. New York: United Nations, 2012.
9. Glumin, M. P. International Legal Assistance in Criminal Matters as an Institute of Russian Criminal Procedure Law. PhD Thesis. Nizhny Novgorod, 2005. (In Russian).
10. Volzhenkina, V. M. Legal Assistance in Criminal Matters in the Field of International Cooperation. St Petersburg, 1999. (In Russian).
11. Umarchanova, D. Sh. Issues of International Cooperation in Criminal Matters: A Comparative Analysis of Germany and Uzbekistan. O'zbekiston qonunchiligi tahlili, 2019, no. 3, pp. 91–96. (In Russian/Uzbek).
12. Tolibova, Z. T. Theoretical and Legal Aspects of Criminal Asset Recovery. Eurasian Journal of Law, Finance and Applied Sciences, 2024, vol. 4, issue 11, pp. 11–18.

-
13. Directive 2014/41/EU regarding the European Investigation Order in criminal matters. Official Journal of the European Union, 2014, L 130, pp. 1–36.
 14. European Court of Human Rights. Soering v. the United Kingdom, Judgment of 7 July 1989.
 15. European Court of Human Rights. Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom, Judgment of 17 January 2012.